

Юрий Лизун
КАРАСЁНКИ-
поросятки

Рассказы про детей и взрослых

Если вы думаете, что детский мир — это магазин, то, похоже, у вас всё давно за сорок: от размера ноги до температуры, не считая количества годовых колец на талии. Но всё поправимо! Во всяком случае эта книжка сможет поправить. Ведь она про нас тогда и про наших детей теперь. Она объединяет больших и маленьких как одно мороженое на двоих. Откройте её со своими детками и внучатами, и вы почувствуете, как разглаживаются морщины, рассасывается целлюлит, а спина становится упругой, как струна. Потому что детство не проходит бесследно. Детство — это приданое, которое мы получаем от Бога, когда въезжаем во взрослую жизнь...

Юрий ЛИГУН

КАРАСЁНКИ-ПОРОСЁНКИ

рассказы про детей и взрослых

*...если не обратитесь и не
будете как дети, не войдёте в
Царство Небесное...*

(Матф.18:3)

САМЫЙ БОЛЬШОЙ ПИСТОЛЕТ

Жорик точно знал, кем станет, когда вырастет. На этот вопрос он отвечал чётко: «Когда я вырасту, я стану Егором Поликарповичем».

Взрослым такой ответ нравился. Они одобрительно хлопали Егорку-Жорика по плечу и смеялись. А громче всех смеялся папа Жорика — Поликарп Николаевич. «Слыхали? — с гордостью говорил он. — Второй начальник в семье растёт!»

Из папиных слов сразу становилось ясно, кто у них в семье первый начальник. И не только в семье, потому что каждое утро за папой приезжала длинная машина с чёрными стёклами. «Хорошая у папы работа, — думал Жорик, — только у дяди Кости лучше». Дядя Костя был папиным водителем. На зависть всему двору он разрешал Жорику близко подходить к машине. А однажды

даже дал побибикать. Егорке бибикать понравилось, и он решил, что когда станет Егором Поликарповичем, будет сам крутить баранку, а дядя Костя пускай сидит рядом и показывает дорогу.

* * *

...В тот день у Жорика с самого утра как-то не заладилось. Папа отругал его за мыло, а мама за папу. Ну, подумаешь, уронил мыло, когда умывался! А как его не уронить, если оно скользкое. Жорик специально несколько раз пытался ухватить мыло покрепче, а оно все равно выпрыгивало и пыталось ускользнуть под ванную. А тут бабушка взяла и позвала его завтракать. Егорка едва успел ладошки сполоснуть, так ему есть захотелось! Честно говоря, ему всегда есть хотелось, даже во сне, а наяву и подавно.

Но сегодня еды не получилось. Не успел Жорик ложку с кашей в рот вставить, как из ванной раздался папин грохот. Это папа на подвернувшееся мыло наступил: вроде, не знал, что оно скользкое.

Что тут началось! И главное, вместо мыла все на Жорика накинулись. Кроме бабушки Лизы, которая не дала растерзать его на мелкие кусочки. Ещё повезло, что папа зубную щётку сломал, а не ногу...

Только когда мама с папой успокоились и ушли на работу, ещё хуже стало. Подруга к бабушке пришла — тоже бабушка, хотя с виду не скажешь. Потому что она всё время ходила в узких брюках и при этом всё время сидела на диете, чтобы в них влезть.

С подругой вышло совсем по-дурацки. Не успев поздороваться, она сразу бухнулась своими узкими брюками именно в то кресло, куда Жорик кактус поставил, чтобы играть в индейцев. Крику было! А что он виноват, что у них на подоконнике не одуванчики, а мексиканские кактусы растут? Тут уже Жорику сразу от двух бабушек досталось. Особенно, когда он сказал, что сзади брюк кактусового пятна почти не видно...

Чтобы больше никого не калечить, Жорик попросился на улицу. На удивление бабушка Лиза тут же его отпустила, только велела из песочницы носа не высовывать. На радостях Жорик так по лестнице разогнался, что дверью немного пришиб входившего в подъезд сантехника Еремушкина с новым унитазом.

Что Еремушкин сказал, повторять не будем, потому что он сам не понял. Зато подзатыльник у него вышел таким понятным, что в глазах зазвенело...

Короче, день начался хуже некуда. «Эх, был бы у меня пистолет, — подумал Жорик, тоскливо высыпая песок через дырочку в кулаке, — я б им показал!» Вообще-то, пистолет у него был и даже не один, а штуки четыре. Но это не считалось, потому что пистолеты были маленькими и пластмассовыми. А ему хотелось настоящий и такой большой, чтоб держать его двумя руками, и чтоб уши закладывало, и чтоб дуло задиралось при отдаче...

Песчинки тонкой струйкой стекали на голую коленку и щекотали ладошку. Получалось красиво. Жорик надувал щёки и фукал на песочную струю. Она дрожала и пыталась увернуться. «Здорово! — подумал он. — Жалко, что никто не видит...»

Жорик покрутил головой, выискивая, кому бы показать, как он умеет. Да некому было. Двор был безнадёжно пуст. Только на скамейке у подъезда о чём-то судачили старушки. В доминошной беседке незнакомые дядьки громко пили квас. Здоровенный третьеклассник Вовка Семякин науськивал на фонарный столб волосатую собаку непонятной системы. Собака науськиваться не хотела, и, чтоб её пристыдить, Вовка лаял на столб сам.

Короче, все нормальные люди сидели дома: и его подружка Капа, и её подружка Нина, и даже

Нинин хомяк Шуша. Жорик тяжело вздохнул и зачерпнул новую пригоршню. Когда песка в кулаке осталось чуть-чуть, в руке что-то шевельнулось. Наверное, жук или муравей. Нет, всё-таки жук, потому что муравей не мог быть таким твёрдым. Жорик досыпал песок и раскрыл ладошку, но вместо жука увидел жёлтую монетку...

* * *

Если честно, денег у Жорика ещё ни разу не было. А своих тем более. Поэтому он монетку не выбросил, а сдул с неё песок и положил в карман. Но тут же вынул и стал смотреть. У монетки оказалось две стороны: на одной были непонятные закорючки, а на другой колоски.

«Вот это да!» — подумал Жорик и вдруг ощутил страшное волнение. Ведь если у него есть деньги, он может что-нибудь купить. Сам! Без папы и мамы! И тем более без бабушки, у которой на всё был один ответ: «Вот получу пенсию, тогда посмотрим...»

Жорик снова спрятал монетку и, как настоящий японский ниндзя, скосил глаза на балкон. Бабушки-подружки о чём-то оживлённо говорили, но не забывали глядеть, как он гуляет. Обычно, если что-то было не так, бабушка Лиза кричала, как пожарная сирена: «Жорик, вернись!»

или «Егор, положи кирпич на место!» Но при подружке она вслух стеснялась и кричала про себя.

Дождавшись, когда подружка зачем-то начала примерять бабушки-Лизины очки, он тихонько выбрался из песочницы, прокрался через дворовую арку на улицу и бросился к высокой оранжевой будке под названием «киоск», где продавалось всё, что хочешь. Командовал будкой высокий усатый продавец, которого, если честно, Жорик побаивался и всегда прятался за бабушку. Но найденная монетка придавала смелости, поэтому, подбежав поближе, он бодро выдохнул:

— Мне пистолет!

Окошко было высоко, однако Жорика услышали. Из будки выглянул усатый и лениво спросил:

— Какой тебе пистолет, командир?

— Самый большой! — захлёбываясь от волнения, крикнул Жорик и протянул деньги.

— Муха по полю пошла, муха денежку нашла... — задумчиво проговорил продавец, рассматривая монетку. — Пошла муха в туалет и купила пистолет... Не, не получается. За десять копеек большой пистолет не получается.

— Почему? — спросил Жорик.

— Потому, что кончается на «У»! Ты где денег взял?

— Бабушка дала, — сказал Жорик и покраснел.

— Вот с бабушкой и приходи.

— Бабушка плохо ходит, — ещё сильнее покраснел Жорик.

— Плохо ходит, плохо видит, но внучонка не обидит, — снова заговорил стихами усатый. — А ты чего такой красный? У тебя, случайно, не краснуха?

— Нет, не краснуха. Я, когда вру, всегда краснею, — честно признался Жорик. — А бабушка у меня нормально ходит. Мы с ней вчера за картошкой ходили...

Похоже, усатый обрадовался, что бабушка снова стала ходячей.

— Жили у бабуси три весёлых гуся! — радостно пропел он. — Один серый, другой белый, третий — дядя Кузя...

«Какой дядя Кузя?» — удивился Жорик, но виду не подал. Мало ли какие гуси жили у бабуси? И вообще, он за пистолетом пришёл, а ему гусей подсовывают.

— Дядя, а что я без бабушки могу купить?

— На десять копеек? На десять копеек ты у меня и без дедушки ничего не купишь.

— Совсем ниче-е-е-го! — пробормотал Жорик и почувствовал, что у него сильно защекоталось в носу.

— Только не реветь! Слезами морю не поможешь! Держи...

Из окошка вылетел кулак. На нём был нарисован синий паровоз, бегущий по синим рельсам. Кулак сжимал кулёк.

— Что это? — всхлипнул Жорик.

— Это из набора. Некомплект, — непонятно объяснил усатый. — Бери и беги.

В кульке оказался сдутый воздушный шарик. От шарика у Жорика сразу поднялось настроение. Шарик он любил. У него было много шариков. Только они быстро лопались. Особенно если их прокалывать гвоздиком.

— Он проколотый? — спросил Жорик.

— Зачем проколотый? — обиделся усатый. — Целый, как день!

— А вы можете его надуть?

— Надуть? — оживился продавец. — Запросто! Я кого хочешь могу надуть. А тебя как зовут?

— Жорик...

— Жорик-обжорик, — засмеялся усатый, но не обидно, а весело. — Наверное, ешь много?

— Много, — признался Жорик. — У меня аппетит зверский. Только на самом деле я Егор.

— Егор спустился с гор! — сказал усатый и быстро надул шарик: — Ну вот, теперь порядок. Ехали комарики на воздушном шарике!

Смешной был этот усатый. Жорик подумал, что надо пригласить его в гости. А то папа вечно приглашает неизвестно кого, и весь вечер только и слышно: бу-бу-бу, бу-бу-бу. Со скуки умереть можно...

— Да... дела! — озадаченно проговорил усатый. — Завяз, как танк в аптеке!

Жорик поднял голову и увидел, что его шарик застрял в окошке и жалобно поскрипывает резиновыми боками. Он снова хотел расстроиться, но не успел. Усатый затащил шарик внутрь и вынес его через дверь.

— Шарики-кошмарики! — сказал он, вручая шарик Жорику. — Нравится?

— Угу, — ответил Жорик.

— Тогда дуй к бабушке, а то мне товар принимать надо. Организм требует.

— Спасибо!

— Спасибо с Турксиба! — хохотнул усатый и скрылся в киоске.

* * *

Жорик развернулся и плавно, чтобы не лопнуть шарик-кошмарик, побрёл домой. «Интересно, — размышлял он, — а для чего нужна монетка, на которую ничего не купишь?».

— Мороженое! Мороженое! — заглушая уличный шум, заскрипел простуженный голос мороженщицы.

Жорик тут же забыл про пистолет и бросился к разукрашенной тележке под зелёным зонтиком. Возле тележки стоял толстый дядька и складывал в толстый портфель замороженные пачки с мороженым. Жорик протянул продавщице монетку и шмыгнул носом.

— Ты чё, простуженный? — осипшим голосом спросила мороженщица.

— Ещё нет, — ответил Жорик. — Мне пломбир!

— На пломбир девяносто копеек надо, а у тебя всего десять.

— Ого! А я думал, одной монетки хватит...

— Держи! — буркнул толстяк и протянул Жорику холодную пачку.

Похоже, эта пачка была лишней. Потому что без неё толстый дядька легко застегнул портфель и, смахнув пот, покатился в сторону троллейбусной остановки.

— Профессор математики! — уважительно прохрипела мороженщица, провожая толстяка ласковым взглядом. — Всегда берёт ровно десять пачек! Знает, что у нас мороженое самое замороженное... А ты как считаешь?

Считал Жорик плохо, поэтому не ответил, а только пошевелил замороженными пальцами.

* * *

Когда он вернулся, во дворе уже было полно народу. Народ катался на качелях, ползал в песочнице, играл в жмурки и громко кричал. Но громче всех кричала бабушка. Она бегала по балкону и, сложив ладони рупором, повторяла на все лады:

— Жорик, вернись! Вернись, Жорик!
Жооорик, верни-ись!

— Бабушка, я здесь!

— Быстро домой! Еда на столе.

— Бабушка, ну, ещё пять минут... ну, пожалуйста!

— Хорошо, — сразу успокоилась бабушка. — Три минуты — и домой!

Чтобы не тратить время, Жорик побежал к песочнице. Там сидела Капа и пекла пирожки.

— Ух ты! — увидев шарик и мороженое, обрадовалась она.

Егор протянул Капе пачку и сказал:

— Кусать по очереди. Только по-честному.

— Где взял? — откусив, спросила Капа.

— Купил!

— Купил?

— Да, купил! У меня монетка есть.
Волшебная.

— Как это волшебная? — удивилась Капа и от удивления откусила ещё раз.

Жорик выхватил у неё пачку и в одно кусание отъел половину.

— Так! — с трудом промычал он.

— Как так?

— Так и всё!

— Врёшь.

— Не вру! Я купил шарик с мороженым, а она не потратилась.

— Не верю.

— Спорим?

— Спорим!

— Хорошо. Тогда держи...

Отдав Капе шарик, Жорик сунул руку в карман и похолодел. Монетки в кармане не было. Он хотел посмотреть в другом, но вспомнил, что других карманов у него нету.

— Кажется, потерял...

— Пропорил! Пропорил! — закричала Капа, и народ, моментально побросав все свои дела, обступил спорщиков плотным кольцом.

— Ладно, я пойду, — сказал Жорик и, сгорбив плечи, поплёлся к дому.

Когда он входил в подъезд, сзади громко бумкнуло. «Шарик», — тоскливо подумал Жорик, но даже не обернулся...

* * *

Весь день он ходил мрачнее тучи, а вечером не выдержал и спросил у бабушки, что такое «спасибо с Турксиба».

— Турксиб — это Туркестано-Сибирская железная дорога. Её построили ещё в прошлом веке, — объяснила бабушка Лиза и подозрительно посмотрела на Жорика. — А почему ты спрашиваешь?

Пришлось всё рассказать. Бабушка, конечно, разволновалась, что он без спросу выходил на улицу. Но когда Жорик залез к ней на колени и ткнулся носом в щёку, бабушка сразу успокоилась и сказала:

— Не горюй. Если эта монетка волшебная, то она не потеряется. Её обязательно кто-нибудь найдёт. Может быть, такой же замечательный мальчик, как ты.

Бабушка потрепала Егорку по голове и добавила таинственным шёпотом:

— Завтра у меня пенсия. И знаешь, что мы с тобой сделаем?

— Что? — тоже шёпотом спросил Жорик.

— Мы пойдём к усатому и купим самый большой пистолет!

От этих слов у Жорика защекоталось в глазах, словно там завелась слезинка. Но не горькая, а сладкая. Он вдруг почувствовал, что радость растёт в нём, словно воздушный шарик. Чтобы этот радостный шарик не лопнул, он покрепче прижался к бабушке, которую любил так, что и слов не было. Из-за этого Жорик сказал совсем про другое:

— Не надо мне никакого пистолета!

— Почему? — удивилась бабушка.

— А в кого стрелять, если все хорошие? — спросил Жорик и шмыгнул носом...

ТОРТ НА ПОЛВТОРОГО

Капа подошла к тумбочке и посмотрела на старый будильник. Его стрелки не шевелились. Она крутнулась на одной ножке и снова взглянула на циферблат. Это не помогло: стрелки стояли на том же самом месте.

«Сломался, что ли?» — подумала Капа и прижалась ухом к стеклу. Внутри будильника что-то простужено хрипело:

— Грипп-хрип... Грипп-хрип...

Капа повернула будильник боком и покрутила колёсико на его железной спине. Стрелки

вздрыгнули и побежали. Маленькая бежала еле-еле, а большая летела, как угорелая.

— Не отставай, — точь-в-точь как папа говорила большая стрелка.

— Ну, пожалуйста, не иди так быстро, — хныкала маленькая, — я за тобой не успеваю...

— А ты постарайся. Нашла время хныкать. На нас люди смотрят.

Стрелка-папа торопился сдать стрелку-Капу в детский сад, чтобы успеть на работу. Он шагал широко, и его ботинки сердито скрипели: «Грипп-хрип... Грипп-хрип...»

— Капитолина! Капитолина! — послышался голос бабушки Тони.

Бабушка Тоня лежала в спальне и хворала. Выйти она не могла, и ей казалось, что, если в доме тихо, значит, с Капой что-то случилось. Из-за этого она, как могла, боролась с тишиной и чуть что громко кричала, кашляла или скрипела пружинами.

— Капитолина! Капитолина!

* * *

Капитолиной Капу называли в честь бабушки, только не этой, а другой, которую Капа ни разу в жизни не видела. Невидимая бабушка жила в деревне со смешным названием Поросёнки. Этим летом папа обещал свозить Капу в Поросёнки,

чтобы познакомиться с поросёнковской бабушкой, хотя она не понимала, зачем папе знакомиться. Ведь он был знаком с ней ещё тогда, когда бабушка Капитолина была никакой не бабушкой, а папиной мамой.

* * *

— Капитолина! Кхе-кхе! Отзовись! Не хватало, чтоб ты выпала с балкона...

Кроме бабушки Тони, полным именем Капу никто не называл. До Капитолины она ещё не доросла. Имя Капитолина было похожим на капитальный дом с колоннами, а Капа была маленькой, как кустик у подъезда...

— Бабушка, не волнуйся. Ни с какого балкона я не выпадаю. Просто жду, когда будет полвторого.

— Полкакого? — не расслышала бабушка.

— Полвторого, — повторила Капа, тихонько ставя будильник на место.

— Долго же тебе ждать придётся. Уже почти два.

Но Капа не могла долго ждать. Ровно в полвторого к ней обещали прийти гости: Михаил Иванович, Настя и старый доктор, который ещё лечил её маму, когда та была маленькой. Капа схватила будильник и покрутила колёсико в обратную сторону. Развернувшись, большая

стрелка побежала назад. Маленькая всхлипнула и поплелась следом.

— Вот так! — сказала Капа и пошла на кухню, которую они построили с папой из картонной коробки.

Достав ведёрко и лопатку, она аккуратно пересыпала муку в большую миску — так, что мимо просыпалось совсем чуть-чуть. Хорошо, что мукой Капа запаслась заранее, а то пришлось бы сейчас мучиться. Замесив тесто, она переложила его в алюминиевую форму-ромашку, поставила в духовку и вытерла руки об живот. Когда торт испёкся, Капа вытряхнула его на тарелку, намазала кремом и воткнула сверху жёлтый одуванчик. Не для вкуса, а просто так.

— Вот! — сказала Капа и вернулась в комнату.

* * *

Гости уже сидели за столом и дружно показывали вымытые руки.

— Здравствуйте, — поздоровалась Капа, ставя песочный торт на середину. — Я не сильно опоздала?

— Нет, — пробасил Михаил Иванович. — Сейчас ровно полвторого.

— А бабушка говорит, что уже два.

— Это она надвое сказала, — буркнул Михаил Иванович. — Как по мне, ты пришла вовремя...

— Смотрите, какое у меня платье! — вмешалась в разговор Настя.

Она крутнулась на одной ножке, и все увидели, что платье у неё просто замечательное. Капа подумала, что обязательно сошьёт себе такое, когда вырастет.

— Что-то вы сегодня бледный, — стараясь быть вежливой хозяйкой, обратилась Капа к старичку в белом халате.

— Кхе, кхе... Какой там бедный? — не расслышал доктор. — На болячки я богатый: колени скрипят, борода выпадает. Надо бы к доктору сходить, а не могу.

— Почему? — спросил Михаил Иванович, не отрывая глаз от торта.

— Потому что я и есть доктор, — ответил доктор. — Как же я сам к себе пойду?

— И то верно, — кивнул головой Михаил Иванович и быстро спросил: — А он с мёдом?

— С мёдом, с мёдом, — успокоила его Капа, — Сама собирала. У нас липа прямо под балконом.

— Липовый мёд — это хорошо! Правда, доктор?

— Правда, — подтвердил доктор. — Правда, если им не злоупотреблять.

— А как им злоупотребишь, если его пчёлы охраняют? — обиженно загудел Михаил Иванович. — Пчёлы мёд жалеют. У меня уже вся спина пережатая.

— Так у вас же мех кругом, — удивилась Настя — Разве такой мех пчела прокусит?

— Был мех, а теперь — смех... Где моль побилла, где сам протёрся...

Капе стало стыдно. Она давно хотела нащипать нового меха из маминой шубы, да всё забывала. Чтобы загладить вину, она подвинула Михаилу Ивановичу блюдце с самым большим куском. Михаил Иванович радостно зарычал, и кусок исчез. Можно было подумать, что его вообще не было, если бы не кучка песочных крошек на ковре. Доктор хмыкнул и, выдернув из торта одуванчик, начал его разнохивать. В последнее время старик ел совсем мало, потому что у него шатались зубы.

— Настя, а ты почему не ешь? — спросила Капа.

— Я худею. Ну, разве что совсем чуть-чуть... Буквально пару маленьких кусочков.

— От торта не толстеют. От торта поправляются, — прогудел Михаил Иванович. — А хозяйшка у нас — молодец! Вкусно готовит. Надо бы нам чаще собираться. И не по выходным, а каждый день. Как раньше...

— Как раньше, я не могу. Бабушка заболела, и меня теперь сдают в садик.

— А что говорит медицина? — спросил у доктора Михаил Иванович.

— Кхе, кхе... Я бы в два счёта вылечил старушку, но вы же знаете, что я детский доктор. Вот если бы она болела свинкой...

— У бабушки радикулит, — сказала Капа.

— Радикулит — это когда спина болит, — с видом знатока пробасил Михаил Иванович. — Ей надо в дупло залезть: пчёлы радикулит в один счёт вылечивают.

— Капитолина! Где ты? — заскрипела пружинами бабушка. — Что-то я тебя совсем не слышу. Кажется, я очки потеряла.

— Бабушка, я сейчас! Только вы не уходите, — попросила гостей Капа.

— Не получится, — взглянув на будильник, сказал доктор. — У меня в полвторого приём. Если опоздаю, дети всю больницу разнесут.

— Посидели и хватит, — прогудел Михаил Иванович.

— Всё было очень вкусно, — прощebetала Настя, доедая третью порцию.

— Ну, пожалуйста! Вон ещё сколько торта осталось, — сказала Капа и бросилась в спальню.

Бабушка лежала на кровати. В одной руке она держала очки, а другой рукой шарила под подушкой.

— Вот так всегда. На минутку сняла, а теперь не найду никак.

— Бабушка, да они же у тебя в руке!

— Точно! Вот голова садовая! Нет чтобы сразу в руке поглядеть.

Бабушка надела очки и внимательно осмотрела внучку. Руки-ноги у Капитолины были на месте, но бабушка всё равно недовольно поджала губы:

— А почему ты вся в песке? Опять торт делала? Лучше бы цветы полила.

— Ну, бабушка, — захныкала Капа, — я их уже сто раз поливала. И потом мне надо одно дело сделать...

— Какие у тебя могут быть дела? Не понимаю...

Ответа она не дождалась, потому что Капы в комнате уже не было.

— Руки помой! И колени! Всю квартиру пропесочила! — крикнула вдогонку бабушка и погрозила пальцем дверной ручке.

Капа очень торопилась, но всё равно опоздала. Гости ушли, даже не попрощавшись. Она обвела комнату взглядом. Всё было, как обычно. У кресла валялся потёртый плюшевый медведь, на подоконнике сидел пластмассовый доктор, из ящика с игрушками выглядывала кукла Настя.

— Эх, вы! Не могли подождать... — прошептала Капа.

Она посмотрела на будильник. Было ровно полвторого.

На столе стоял недоеденный песочный торт.

БАНДИТ СЕМЯКИН И СТЕСНИТЕЛЬНАЯ СОБАКА

Здоровенный третьеклассник Вовка Семякин уже и не помнил, кто первым назвал его бандитом. Кажется, тренер по фигурному катанию. В секцию фигурного катания его привела старшая сестра Катя, когда Вовке стукнуло пять лет и он ещё не был таким здоровенным.

— Фактура хорошая! — повертев Семякина, сказал Каткин тренер. — На коньках умеешь?

— А чего тут уметь? — буркнул Вовка и достал коньки.

— Ну, покажи, покажи, — благодушно проговорил тренер и подмигнул Кате. — Только возле бортика, чтоб тебя не зацепили.

В ледовой коробке со зверскими лицами носились взрослые фигуристы. Они подпрыгивали, махали руками и по-всякому раскорячивали ноги. Из-под коньков с противным скрежетом летели белые брызги. Семякин вздохнул и вышел на лёд.

— Ну, давай, — сказал тренер.

И Семякин дал. Он оттолкнулся от бортика, и его сразу понесло к центру площадки. Какая-то тётя в блестящем купальнике, увидев Вовку, резко свернула и с разгону врезалась в раскрученную пару. Пара тут же распалась и поехала лёжа, сбивая всех подряд. В секунду каток превратился в ледовое побоище. Он был сплошь усеян разрядниками, кандидатами и мастерами фигурного катания, и только будущий здоровенный третьеклассник невозмутимо катился дальше...

Тренер долго ловил ртом воздух, а когда поймал, закричал на весь Ледовый дворец то ли с досадой, то ли с восхищением:

— Ну, ты и бандит!

Больше Семякина на фигурное катание не водили, но слово «бандит» к нему прилепилось прочно.

А может быть, виноват был вовсе не тренер, а твёрдый характер Семякина. Несговорчивый и

упрямый был у Вовки характер. Вот, скажем, любой знает, что когда тебе делают замечания, надо низко-низко опустить голову и уныло бубнить «я больше не буду». Семякин тоже опускал голову и смотрел в пол или в землю, если его замечали во дворе, однако никогда — слышите, никогда! — не говорил «я больше не буду». Это очень расстраивало взрослых, но, как они ни старались, а заставить Семякина говорить неправду у них не получалось.

— Смотри, Валентина, смотри! — говорила Вовкиной маме зловредная бабушка Бабарыкина. — Смотри, кабы беды не вышло. Бандит у тебя растёт.

— Но почему? — виноватым голосом спрашивала мама. — Он же ещё совсем ребёнок.

— Во-во, я и говорю — вылитый бандит. Весь пододеяльник мне землёй изжужюкал, — зловредная бабушка Бабарыкина сердито поджимала губы и твёрдо повторяла. — Смотри, Валентина, а то поздно будет.

Ну, и скажите, при чём тут Семякин? А лучше не говорите, потому что при чём тут была зловредная бабушка, у которой развелось слишком много пододеяльников. Вот она их и сушила с утра до вечера на верёвке возле детской площадки. Ну, и как тут успеешь вовремя затормозить, когда за тобой гонится Толик Гусев по прозвищу Гусь?

Может, зловредная бабушка Бабарыкина и успела бы, а вот Семякин не успел и ещё метров пять бежал в пододеяльнике, пока не забежал в лужу, которая у них даже зимой не просыхала.

* * *

Из-за своего твёрдого характера он ещё в детском саду страдал. Однажды к ним в сад должна была приехать комиссия по проверке чего-то там такого. Заведующая сильно нервничала. По пять раз в день она забегала в их группу и повторяла одно и тоже: «воспитательный процесс» и «провести мероприятие на уровне». От заведующей пахло краской, потому что она всё время подкрашивала стены малярной кисточкой, которая торчала из кармана халата. Воспитательница тоже нервничала и в два раза чаще проверяла уши. Один Семякин был спокойным: уши у него были на месте, только от краски чесался нос.

Чтобы «провести мероприятие на уровне», всех заставили выучить наизусть какой-нибудь стишок. Вовка выучил про мишку, ну, там, где мишке шишка — прямо в лоб, а он рассердился и ногою — топ!

Комиссией оказалась толстая тётенька с портфелем в очках. Нет, это тётенька была в очках,

а при ней был толстый портфель. Она строго посмотрела на детей и сказала бодрым голосом:

— Ну, а теперь посмотрим, на каком уровне у вас идёт воспитательный процесс.

Все сразу начали читать стихи. Последним был Семякин. Он надул щёки и протрубил:

— Мишка косолапый по лесу идёт. Шишки собирает, песенку поёт. Вдруг упала шишка прямо мишке в лоб. Мишка рассердился и поехал спать.

— Куда поехал? — переспросила комиссия Вовку.

— Спать! — твёрдо ответил Семякин.

— Мишка рассердился и ногою — топ! — судорожным шёпотом подсказала воспитательница.

— Мишка рассердился, — угрюмо повторил Семякин, — и поехал спать!

— Но почему? — удивилась комиссия.

— Потому что вместо тихого часа мы стихи повторяли, — объяснил Вовка и потёр слипающиеся глаза.

Когда комиссия уехала, заведующая вызвала воспитательницу и долго кричала:

— Возмутительно! Теперь придется объяснительную в районо писать. Этот Семякин просто бандит какой-то!.. У него, случайно, в семье никто не сидел?

Это был глупый вопрос, потому что в Вовкиной семье сидели все. Папа в кресле, мама на

диване, Катька за письменным столом, а Семякин на горшке перед телевизором...

* * *

А ещё был случай в Херсоне. Это город такой есть, Херсоном называется. Туда Вовку каждый август отправляли. В Херсоне в августе арбузы вкусные. А ещё там много рыбы. Кстати, знаете, чем рыба похожа на арбуз? — В ней тоже много косточек!

Каждую пятницу, а то и раньше, бабушка Наташа бегала на базар и притаскивала оттуда пузатый арбуз и рыбу с коротким названием «сом», хотя сама рыба была длинной и толстой. Бабушка с дедушкой вовсю нахваливали сома, потому что в нём не было мелких костей.

— Хорошо, что в рыбе сом нету мелких костей, — говорила бабушка, — а только крупные.

— Крупной костью не подавишься, — добавлял дедушка. — Крупную кость далеко видно.

А Вовка Семякин взял и подавился. Самой крупной костью. Если не верите, поезжайте в Херсон и спросите у врача скорой помощи, который эту кость из Семякина вынимал. Да только не вынул, потому что Семякин его всё время кусал. Как доктор ему пальцы в рот положит, так Семякин его и укусит. Вот такой твёрдый характер!

Вовку уже усыпить хотели, но бабушка не дала.

— Нет уж, — сказала она, — усыплять не дам, может, она и без вас рассосётся.

Покусанный доктор очень этому обрадовался, он прямо так и сказал: правильно, говорит, а то ваш бандит мне всю руку под наркозом оттяпает, а у меня их и без вас всего две осталось. Забирайте, говорит, его домой и дайте ему чёрствую корку.

И действительно, когда Семякин проглотил чёрствую хлебную корку, кость прошла. Горло только потом чуть-чуть чесалось.

* * *

В общем, разные случались истории, но после каждой Вовку называли бандитом. И когда он полбанки сырой фасоли съел, и когда померил глубину воды в яме за гаражами прямо в кроличьей шапке, и когда лампочку от карманного фонарика к розетке проволочками подключил. Да разве всё перечислишь?

Его даже к нервному врачу водили. Но тот его и смотреть не стал. Только издали молоточком помахал. Видно, ему из Херсона телеграмму дали, что Семякин кусается, вот он и перепугался близко подходить. А родителям сказал, что Вовка нормальный, здоровый ребёнок, и не надо так

сильно волноваться, потому что в школе это пройдёт.

Но как раз в школе его бандитская натура ещё больше проявилась.

Всё началось с того, что Семякин оказался самым здоровым в классе. А чего ему быть не здоровым, когда ему в прошлом году гланды вырезали? Все остальные ребята были маленькими, и половина в очках. Они почему-то сразу решили, что он будет их бить, и сбились в кучу. Вовка обиделся и незаметно показал куче кулак.

Только учительница кулак заметила и посадила Семякина на самую заднюю парту. Как говорится, от греха подальше, тем более, что с задней парты очкарики всё равно ничего не видели. А когда на следующий день выяснилось, что читать и считать в классе умеют всего три человека: Света Бурашникова, Ира Стрижко и бандит Семякин, — пересаживать его всё равно не стали, потому что он ухитрился на перемене съесть кусок розового мела. Станные люди! Ведь он всего-навсего хотел попробовать, чем отличается розовый мел от белого.

Оказалось — такая же гадость.

Короче, бандитское прошлое преследовало Вовку Семякина и в школе. И даже лёгкость, с которой он грыз не только мел, но и школьные науки, учительницу сильно настораживала. Притворяется, думала она, или бдительность усыпить хочет. Поэтому и спрашивала с Семякина строже, чем с других. Если кто-то разбивал горшок с цветком, это считалось мелким хулиганством. А если Семякин случайно засыпал на скучном уроке, это уже был бандитизм.

К третьему классу Вовка научился драться. А как тут не научишься, если от тебя всё время чего-то такого ждут. Однажды он даже стукнул по шее тихоню Бурашникову за то, что она обозвала его каланчой. Учительница сильно ругалась, но больше всего её возмутило, что Вовка стукнул Светку не кулаком, а учебником русского языка.

— Русский язык — велик и могуч! — кричала она. — На нём говорили Пушкин и Маяковский! Тебе должно быть стыдно за это!

Вовка так и не понял, почему ему должно быть стыдно за то, что Пушкин говорил с Маяковским на русском языке. Ему было стыдно совсем за другое. Придя домой, Семякин полез в словарь и узнал, что каланча — это вовсе не жена

калача, как он подумал, а высокая башня над пожарной частью.

* * *

Вскоре с ним начали дружить все школьные хулиганы, и даже Толик Гусев, по прозвищу Гусь, одобрительно хлопал по плечу.

— Надо что-то делать, — говорила учительница родителям, которых вызывала в школу чуть ли не каждый день.

— А чтобы вы посоветовали? — испуганно спрашивала семякинская мама.

— Я бы посоветовала перевести его в другую школу.

— Нет, мы не будем его никуда переводить, — возражал семякинский папа. — У меня вот друг перевёлся в Америку, а толку?

— В каком смысле? — спрашивала учительница.

— В таком, что у него тут долги были, и там долги. Только тут в рублях, а там в долларах!

— От судьбы не уйдёшь, — тяжело вздыхала мама.

— Тогда займите его чем-нибудь. А то он на переменах кирпичами кидается. Купите ему мяч, что ли? Мячом он хоть голову никому не расшибёт...